

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Орловой Ольги Юрьевны

«Фоностилистический прием в прозаическом тексте: функционально-семиотический аспект (на примере англоязычной литературной сказки)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Актуальность исследования обусловлена тем, что в работе представлены функционально-семиотические аспекты фоностилистической и фонографической организации прозаического текста сказочного жанра. Работа О.Ю. Орловой включено в круг многочисленных исследований, связанных с проблемами фоносемантической организации текста, в том числе и литературной сказки [ряд работ Вяч. Вс. Иванова (1977, 1981), Н.М. Ладисовой (1980, 1986), В.С. Баевского и А.Д. Кошелева (1975, 1976, 1979), М.А. Балаш (1999), Н.А. Гириной (2004), Б.П. Гончарова (1973, 1985), Л.Н. Живаевой (2001), Л.В. Зубовой (1980, 1989), М.В. Ивановой (1990), Лунновой М.Г. (2004), Н.А. Любимовой, Н.П. Пинежаниновой и Е.Г. Сомовой (1996), Л.Н. Ратушной (2005), О.И. Северской (1984, 1987, 1990), Е.С. Голимбиовской (2014), А.В. Бубнова (1997, 1998, 2002) и др.].

Разноаспектное изучение фоносемантического уровня текста может представлять интерес для общей фонетики, семантики, психолингвистики, социолингвистики, семиотики, фоносемантики, графофоносемантики, теории референции и иных направлений в теории языка.

Новизна исследования. Соискателем предложена семиотическая модель фоностилистического приема. Выделены «механизмы «выдвижения» (foregrounding) звукокомплексов, т.е. их рецептивной актуализации в качестве семантически непустых означающих» (КД, с. 12), а также графические стратегии актуализации фонетической формы.

Теоретическая значимость исследования связана с обоснованием того, что варианты семиотической модели фоностилистического приема указывают на относительную автономность семиотической подсистемы фоностилистических приемов внутри семиотической системы художественного текста. Применительно к проблематике диссертации результативно использован комплекс традиционных базовых методов исследования, а также предложена новая методика семиотического описания фоностилистического приема как особой знаковой сущности.

Значение полученных соискателем результатов исследования для **практики** подтверждается тем, что разработаны и внедрены новые универсальные методики изучения фоносемантической организации текста, возможные для изучения текстов других жанров.

Оценка достоверности результатов исследования обусловлена количеством и качеством текстов-источников на языке оригинала; использованием современных методик сбора и обработки исходной информации; обоснованным выделением единиц анализа. Полученные автором результаты согласуются с опубликованными данными по исследованию фоносемантической организации текста на материале других языков и текстов иных жанров.

Личный вклад соискателя состоит в непосредственном участии соискателя в получении исходных данных, в обработке и интерпретации полученных данных, в апробации результатов исследования (подготовка публикаций), выполненных лично автором.

Положения, выносимые на защиту (КД, с. 11-13), находят аргументированное обоснование в работе, однако требуют некоторых пояснений.

Автор убедительно доказывает, что в тексте литературной сказки фоностилистический прием – это «квазизнаковое текстовое образование, обладающее своим текстовым «означающим» и «означаемым», связь между которыми носит *оказиональный* характер и ограничена определенным

текстовым фрагментом» (**положение 1**). В данной дефиниции остается неясным значение приставки *квази-* (ложный, мнимый). Считает ли автор, что фоностилистический прием является ложным, мнимым знаком, т.е. фактически НЕ-знаком? При этом в положении 2 автор утверждает, что фоностилистический прием – «сложное образование, в котором выделяются несколько уровней с е м и о з и с а» (КД, с.11).

Далее автор предлагает семиотическую модель фоностилистического приема (**положение 2**), устанавливая соответствие между графическим означающим и фонетическим означаемым, которые вместе образуют «фонетический знак». В целом модель не вызывает возражений, но, на мой взгляд, термин *фонетический знак* не совсем корректный, т.к. фонетическое едва ли может включать графическое. В фоносемантике подобную синкретичную сущность принято обозначать как *графон*, в фоностилистике – *фонографема*. На с. 101 (со ссылкой на Г. В. Векшина) автор указывает, что «именно фонографема является «элементарной речевой субстанцией для фоностилистики» и использует термин *фонографический прием*. Более корректным представляется термин *фонографический знак*.

Автор утверждает, что «фактической единицей анализа формальной стороны фоностилистического приема является *звукокомплекс* различной протяженности: от отдельного звука или класса звуков до относительно протяженной звуковой синтагмы, синтаксически соответствующей словосочетанию. Границы звукокомплекса могут как совпадать, так и не совпадать с границами материальных системно-языковых единиц (морфем, словоформ)» (**положение 3**). Данное положение хорошо согласуется с фоносемантическим законом кросс-уровневой контактности, который гласит, что единицы разных уровней звукоизобразительной системы языка могут образовывать единый класс, т.е. звукоизобразительные функции фонотипа реализуются в рамках звукосочетания, одного слова, целого текста или его сегмента. В фоносемантике к таким единицам анализа относят различные

фоносемантические кластеры – *фонотип, морфемотип, фонестема, инициаль, финаль* и др. В той или иной степени автор рассматривает эти единицы, но предлагает другие термины для их номинации, что затрудняет включение полученных результатов в сопоставительный контекст языковых универсалий. На наш взгляд, поскольку в конечном счете речь идет о языковом иконизме (соотношение звука и смысла), то целесообразно оперировать универсальными категориями.

Закон кросс-уровневой контактности находит подтверждение и в утверждении автора о том, что элементы денотативной, тематической, мотивной, композиционной структуры текста семантизируются при помощи фоностилистического приема «в пределах определенного (какого?) текстового отрезка» (**положение 4**). Автор утверждает, что ведущим механизмом «выдвижения» является повторяемость этого звукокомплекса в пределах некоторого (какого?) отрезка текста» (**положение 5**).

На мой взгляд, тезис о повторяемости звуковых повторов как механизме «выдвижения» на сегодня является «общим местом», едва ли не аксиомой.

Мне в работе не хватает статистических данных. Во введении в разделе «материал исследования» просто перечислены произведения британских и американских авторов 19–20 вв. Но это источники материала исследования, а материал – это фоностилистические приемы, контексты, виды звуковых повторов, ассоциаты к опорному слову или пр. Соискатель не уточняет, конкретно сколько и каких звукокомплексов исследовалось в диссертации, что важно для установления степени достоверности исследования.

Логично, что встает вопрос о методике выделения звуковых повторов, которая не представлена в тексте диссертации. Если это методика «внимательного чтения», то насколько автор застрахован от субъективности их выделения и уверен в релевантности выявленного материала? Количественные данные позволяют не только избежать субъективности и повысить степень достоверности проведенного исследования, но и увидеть фоносемантическую структуру текста в целом.

Звуковой повтор – лишь отклонения от частотности употребления отдельных звуков, а потому количественный анализ необходим (Г.В. Векшин «Когда приступим к подсчетам? (к дискуссии о формах и функциях звукового повтора и методах его изучения)», НЛО, 2008. № 2).

В фоносемантике уже давно (Бубнов 2002, Луннова 2004, Левицкий 2009, Голимбиовская 2014) применяются статистические методы изучения звукового повтора (средняя и текстовая частотность повтора). Показателем существенности / несущественности тех или иных частот звуковых повторов служит «хи-квадрат-критерий», предложенный Б.Н. Головиным еще в 1971 году («Язык и статистика»), и успешно применяемый при изучении фоносемантической структуры текста (Бубнов 2002, Голимбиовская 2014).

В **положении 6** постулируется, что многоадресность литературной сказки требует разных способов «выдвижения» и разных особенностей семантизации элементов фонетической формы, «в частности, приемы звукоподражания в характеризующей функции рассчитаны на детей младшего возраста, тогда как приемы фонографической игры в большей мере ориентированы на более взрослую аудиторию».

Данный тезис в целом не вызывает возражений, но, на мой взгляд, не находит доказательств в тексте диссертации. В разделах 2.2. и 2.3. второй главы механизмы и стратегии читательской рецепции рассматриваются, скорее, в контексте литературной и эстетической рецепции (феноменология Ф. Brentano, Э. Гуссерля, герменевтика М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, теория диалога М.М. Бахтина, школа рецептивной эстетики (Р. Ингарден, Г.-Р. Яусс, В. Изер), модель идеального читателя У. Эко и пр.). Подобный подход обуславливает ряд недостаточно аргументированных, на мой взгляд, утверждений: *читатель будет ориентироваться* (с. 36); *читатель воспринимает и декодирует текст* (с. 47); *Алгоритм опознавания неизвестного слова следующий: сначала опознается часть речи и, соответственно, категориальная семантика слова и т.д.* (с. 51); *ЗК становится ощутим для читателя именно как прием, имеющий смысл* (с.

52); *вызывает у читателя, читатель не может* (с. 61); *автор намеренно использует звуковой повтор* (с. 112); *позволяет читателю понять разнообразие фонетических означаемых, закрепленных за ней* (с. 161); *соответствующий звукокомплекс воспринимается реципиентом как мотивированный (образом персонажа, логикой развития сюжета, композицией, системой точек зрения* (с. 172) и др.

Соискатель исходит из сознательной позиции автора и читателя, тогда как для меня более убедительной является позиция Г.В. Векшина, который понимает звуковой повтор «как результат сознательного или бессознательного предпочтения (автором) одних форм композиционно-звуковой организации текста другим».

В подобном контексте теоретически для меня более близка концепция У. Ван Лангендонка, который рассматривает языковую иконичность как когнитивный феномен в связи с проблемами изоморфизма и мотивированности формы и содержания, семантической маркированности и языковой экономии (Van Langendonck W. Iconicity // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / ed. by D. Geeraerts and H. Cuyckens. Oxford University Press, 2007. P. 394-420). Однако в любом случае это лишь модель, теоретический конструкт.

В обосновании стратегий восприятия звуковых повторов детьми для меня более убедительными были бы данные психолингвистических экспериментов или данные по психолингвистике детской речи (стадия голофразиса, «словесный (номинальный) реализм» ребенка, иконическое ядро базового детского лексикона, внутренняя форма в онтогенезе и пр.).

Взрослые стратегии восприятия звуковых повторов были бы показательны в контексте переводов для «взрослых». Например, мнение К. Чуковского о сказке «Вини Пух» («*Зачем вам нужен этот английский spleen?*») или в переводах сказки А. Милна «Вини-Пух» В. Руднева / Т. Михайловой и В. Вебера / Н. Рейн. Так, стишки и каламбуры – *(little) songs* – А. Милна в «инфантилизованном» переводе Б. Заходера переводятся как

вопилки, сопелки, шумелки, пыхтелки; в постмодернистский переводе В. Руднева – как *хмыкалки* и *мурчалки*. В переводе В. Вебера это просто *песенки*. В переводе В. Руднева остаются без перевода звукоподражательные слова *bump-bump, crack*; некоторые строки песенок *tiddle-iddie, rum-tum-tum-tiddle-um*. По словам В. Руднева, делает он это «намеренно, естественно, ориентируясь на взрослого читателя» (Руднев 1996: 26). Здесь очевидны и объективированы (а не смоделированы) различные стратегии «взрослого» восприятия иконичности отдельных единиц и текста в целом.

Далее автор диссертации выделяет и описывает специфические текстовые функции фоностилистических приемов: композиционная, характеризующая и игровая (**положение 7**). Эта часть диссертации представляется наиболее интересной.

Вступая в сферу языкового иконизма, О.Ю. Орлова опирается на сосюрский постулат традиционной лингвистики о немотивированности (произвольности) языкового знака. Однако на с. 178 диссертант признает, что при описании семантики таких единиц «необходимо использовать какие-то иные принципы описания». Данные принципы сформулированы в рамках фоносемантики, которая утверждает, что языковой знак произволен и произволен одновременно. Согласно фоносемантическому закону стадильности развития язык, первая стадия – натуральная (в генезисе); вторая стадия – квазинатуральная и натурально-конвенциональная (в диахронии); третья стадия – конвенционально-натуральная (в современной синхронии). Закон относительной денатурализации языкового знака гласит, что в процессе языковой эволюции слово утрачивает примарную мотивированность и перестает восприниматься как звукоизобразительное. Учет этих законов позволил бы снять некоторые трудности в интерпретации материала.

Можно отметить также некоторые некорректные примеры. Пример из И. Бродского: «*Надцатого марта*» легко опознается в контексте как название какой-то даты. Читатель угадывает значение окказионализма по

контексту» (с.52). Но и без контекста сочетание опознается не менее успешно, т.к. здесь имеет значение не контекст, а словообразовательная структура числительных с непродуктивным суффиксом *-надцать*.

На с. 55 читаем «Контекст в данном случае практически не подсказывает варианты интерпретации значения этих окказиональных единиц: «and why the *chizzywhizzies* scrape off little fiddle». При этом в «Словаре английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении» М.А. Флакман (2016) находим глаголы *chizz* «трещать, стрекотать» и *whizz* «проноситься со свистом, жужжать». Как звукоподражательные окказионализмы квалифицируются в работе *chick chick-a-chick chick-a-chick chick-a-chick*, которые также фиксируются в английском словаре (с. 55-56), т.е. окказионализмами не являются. Другое дело морфологическая гипераномальность этих единиц, которая является одним из верных признаков иконической единицы.

Высказанные в порядке дискуссии замечания и возражения не отменяют достоверности полученных автором результатов, не снижают научно-теоретической и практической значимости исследования и не влияют на общую положительную оценку кандидатской диссертации О.Ю. Орловой.

Результаты исследования прошли необходимую **апробацию**. Публикации по теме диссертации раскрывают положения, выносимые на защиту. Автореферат диссертации адекватно отражает основные этапы работы, содержание и структуру, выводы и результаты диссертационного исследования.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Фоностилистический прием в прозаическом тексте: функционально-семиотический аспект (на примере англоязычной литературной сказки)» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологии, и **отвечает всем требованиям**, изложенным в п. 9 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней». Автор

диссертации, Орлова Ольга Юрьевна, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности по специальности 10.02.19 – теория языка.

Диссертация О.Ю. Орловой соответствует паспорту научной специальности 10.02.19 — «Теория языка» в следующих пунктах: 1. Теоретическая лингвистика. Знаковая природа языка. Универсум звучаний и универсум значений, их проекция на конкретные языки. 6. Семантика. Фоносемантика, грамматическая семантика, синтаксическая семантика, лексическая семантика. Семантический уровень в многоуровневых моделях языка. Значение в структуре языкового знака. Означающее (план выражения) и означаемое (план содержания) как две стороны языкового знака. Характер связи между означаемым и означающим: конвенциональность, индексальность, иконичность.

Шляхова Светлана Сергеевна,
доктор филологических наук, доцент,
зав.кафедрой «Иностранные языки и связи с
общественностью» Гуманитарного факультета
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

Почтовый адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский
пр., 29

Телефон: +7 (342) 239-12-78

+7 (342) 2-198-176

E-mail: guman2@pstu.ru

Официальный сайт: <http://pstu.ru/>

Сайт кафедры: <http://pr.pstu.ru/>

Подпись *М.Н. Ведерникова*
заверяю
Специалист
по кадрам УК
М.Н. Ведерникова

